

УДК 172.30

DOI: 10.15372/PS20230206

А.Ю. Моисеева, А.С. Зайкова**КРИТИКА АНАЛИТИЧЕСКОГО МЕТОДА (НА ПРИМЕРЕ
ТЕОРИИ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЖОНА РОЛЗА)
И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ
ПЕРФОРМАТИВНОГО ПОВОРОТА. Часть 2***

Аналитический метод, понимаемый как основной подход аналитической философии, можно рассматривать как одну из практик, которые поддерживаются в обществе, поскольку имеют для этого общества определенное прагматическое значение. В первой части статьи мы отметили необходимость реформы аналитического метода и показали, что основанием для подобной реформы может стать перформативный подход, при помощи которого в последнее время была произведена перестройка многих областей социально-гуманитарного знания. В рамках перформативного подхода возможно совмещение аналитического метода с методологией социальной критики, что позволяет разрабатывать теории, обладающие и аналитической строгостью, и необходимым потенциалом для решения текущих социальных проблем. Во второй части статьи мы обращаемся к попыткам такого совмещения и анализируем его эффекты, в частности в аналитическом феминизме, в критической теории гендера и расы и современной социальной критике в целом.

Ключевые слова: аналитическая философия; аналитический метод; теория справедливости; социальные исследования

A.YU. MOISEEVA, A.S. ZAYKOVA**CRITICISM OF THE ANALYTICAL METHOD BY THE EXAMPLE
OF JOHN RAWLS' THEORY OF JUSTICE AND THE RESULTS OF
ITS TRANSFORMATION IN THE CONTEXT
OF THE PERFORMATIVE TURN. PART 2**

The analytical method, understood as the main approach of analytic philosophy, can be treated as one of the practices that are supported in society, since they have

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №18-78-10082П).

a certain pragmatic significance for this society. In the first part of the article, we noted the need for a reform of the analytical method and showed that the basis for such a reform could be a performative approach, which recently has helped to restructure many fields of social and humanitarian knowledge. The performative approach make it possible to combine the analytical method with the methodology of social criticism, allowing to develop theories that have both analytical rigor and the necessary potential for solving current social problems. In the second part of the article, we turn to attempts of such combining and analyze its effects, in particular in analytical feminism, critical theory of gender and race, and modern social criticism in general.

Keywords: analytic philosophy; analytical method; theory of justice; social studies

Влияние аналитического метода на социально-гуманитарные исследования, включая те, которые посвящены наиболее актуальным современным проблемам, трудно переоценить. Однако значительная часть авторов, пишущих на социально-гуманитарную тематику, критически настроены по отношению к аналитическим работам в этой области, в том числе к одной из наиболее влиятельных книг по политической философии «Теория справедливости» Дж. Ролза [9]. В первой части статьи мы показали, что причины подобной критики зачастую лежат в его концептуальных предположениях, чересчур абстрактных и оторванных от реальной практики. Тем самым мы продемонстрировали, что аналитический метод в том варианте, в котором он использован Ролзом, действительно требует реформы. Вместе с тем перформативный подход, являющийся в некотором роде наследием аналитической философии, послужил причиной появления ряда новых направлений социально-гуманитарного знания и изменения некоторых существующих. В этой части статьи мы демонстрируем, что, во-первых, совмещение перформативного подхода, аналитического метода и социальной критики не только возможно, но и вполне успешно отвечает многим задачам, поставленным перед социальными исследованиями, и что, во-вторых, чрезмерное использование социальной критики без обращения к методам аналитической философии, и в частности без попыток построения «идеальных» или хотя бы более оптимальных теорий, не может привести ни к росту научного знания, ни к решению современных социальных проблем.

Аналитический феминизм и основные черты нового метода

Аналитический феминизм – одно из малоизвестных направлений феминистской философии, интересное тем, что, помимо следования идеям феминизма, оно явно отождествляет себя с наследием аналитической традиции. Эти две его составляющие взаимодействуют разнообразными способами, вследствие чего аналитический феминизм представляет собой направление очень разнородное и даже, возможно, противоречивое. Тем не менее в последнее время в свете усиливающегося внимания к гендерной проблематике в философии аналитические феминистки также активно развивают свой подход и находят для него новые области применения. В рамках нашей темы нелишним было бы разобраться, к чему ведет этот процесс.

Аналитических феминисток объединяет с другими феминистками в первую очередь осознание несправедливого в гендерном отношении устройства общества и убежденность в необходимости эту несправедливость устранить. Фундаментальными для обсуждаемого направления являются три тезиса современного феминизма: во-первых, о вовлеченности философии в социальную жизнь, во-вторых, о влиянии гендера на философию, в-третьих, о том, что важно исследовать не только гендерное, но и другие виды социального неравенства. Эти тезисы определяют цели аналитического феминизма, но лишь до некоторой степени. В отличие от других феминисток, аналитические феминистки не признают примата этических и политических принципов над другими философскими установками, в частности методологическими. Следуя за родоначальниками аналитической традиции, они стремятся соблюдать в своей аргументации определенные нормы логической согласованности, рациональности и объективности. Они также считают, что лучшим способом для философов противостоять сексизму и андроцентризму является прояснение концепций, лежащих в основе наших теорий. Таким образом, для аналитического феминизма характерно применение того же метода, который мы обозначали как определяющую черту аналитической философии. Однако, как мы увидим, в рамках данного направления, а также в контексте некоторых других направлений современной социальной критики аналитический метод претерпевает существенную трансформацию.

Яркая представительница аналитического феминизма – упомянутая в первой части нашей статьи Марта Нуссбаум [1, с. 47]. Главным вкладом этой исследовательницы в социальную теорию является так называемый «возможностный подход» (*capability approach*), который она до некоторой степени основывает на подходе Ролза, а до некоторой степени противопоставляет ему [8]. Идея Нуссбаум состоит в том, что в теории справедливости нужно отталкиваться не от умозрительных представлений относительно того, как могло бы выглядеть справедливое общество, а от тех конкретных, реальных или фантастических (показанных в литературе и искусстве), ситуаций, которые интуитивно расцениваются как явно и вопиюще несправедливые. По утверждению Нуссбаум, все такие ситуации объединяет то, что некоторые люди в них оказываются лишены определенных возможностей, необходимых для того, чтобы вести жизнь, достойную человека. То есть люди не просто оказываются в тяжелых условиях, но не имеют средств, чтобы эти условия улучшить, чтобы самостоятельно принимать решения и отвечать за свою жизнь. (Согласно Нуссбаум, именно способность к разумному и ответственному принятию решений является основой подлинно человеческого способа существования – мысль, которую она возводит к этике Аристотеля.)

Много внимания в своей книге исследовательница уделяет обоснованию универсалистского подхода к пониманию справедливости. Она последовательно отвергает три аргумента против этого подхода (аргумент от культурной обусловленности норм, аргумент от ценности разнообразия и аргумент от патернализма) и показывает, что несмотря на некоторую недоопределенность граничных условий, выделить набор возможностей, наличие которых универсально значимо для всех людей независимо от их культурной принадлежности, не только можно, но и необходимо. По мысли Нуссбаум, универсальная теория имеет огромное практическое значение для обычных людей, не философов, поскольку «дает им подход, с точки зрения которого можно рассматривать происходящее с ними, и набор понятий, с помощью которых можно критиковать злоупотребления, иначе скрывшиеся бы неназванными в фоне жизни» [8, р. 36]. В конечном счете, говорит она, целью является не благополучие общества в целом, а наличие этого минимального набора возможностей у каждого отдельного его члена. Таким образом, усилия должны быть направлены в первую очередь на улучшение по-

ложения представителей наименее защищенных и обеспеченных социальных групп, и в этом Нуссбаум согласна с Ролзом. Однако, в отличие от Ролза, она не считает достаточным простое удовлетворение потребностей человека. Цель состоит в том, чтобы научить человека удовлетворять свои потребности самому, и первым шагом к достижению этой цели является осознание того факта, что потребность имеется и что она не удовлетворена.

Значительное место в работе М. Нуссбаум занимает анализ концепции прав человека. Как подчеркивает исследовательница, в политике права имеют важнейшее значение для обеспечения человеческого благополучия, причем и с точки зрения удовлетворения потребностей, и с точки зрения формулирования этих потребностей [8, р. 96]. Таким образом, подход к понятию справедливости с позиции прав человека и возможностный подход до некоторой степени перекрываются. Однако, как оказывается при ближайшем рассмотрении, понятие права в этом, политическом, смысле более чем туманно. В чем именно проявляется право человека – в том, чтобы этого человека рассматривали определенным образом, или в том, чтобы он имел средства для достижения определенного качества жизни, или в том, чтобы это качество жизни было фактически достигнуто? Понятие возможности в этом смысле более прозрачно. Как полагает Нуссбаум, лучший способ думать о правах – это думать о них как о комбинированных возможностях, которыми должен обладать человек. Тогда мы будем понимать, что конкретно нужно изменить, чтобы защитить определенные права определенных людей. Например, женщины во многих странах имеют номинальное право участвовать в политической жизни, не обладая в реальности соответствующими возможностями, поскольку они сталкиваются с угрозой насилия, если покидают дом (в частности, для какой-либо политической деятельности).

На примере подхода, который развивает М. К. Нуссбаум, можно заметить, что аналитический феминизм имеет в рамках аналитической философии в целом не только тематические, но и методологические особенности. Он привносит в аналитический метод (О том, как в рамках настоящего исследования понимается аналитический метод, см. [1, с. 40]) нечто новое, а именно представление о том, что любая философская теория, объясняющая социальную действительность, тем самым влияет на нее и это влияние должно учитываться уже на этапе построения теории. Такой взгляд на философию явля-

ется следствием первого из трех вышеупомянутых принципов феминизма, который иначе можно сформулировать следующим образом: *вся философия является перформативной деятельностью*. Аналитический феминизм, как и неаналитический феминизм, вполне сознательно опирается на этот принцип.

Интересно, что здесь концепция перформативности, изначально появившаяся в аналитической философии (точнее, в школе философии обыденного языка) как узкотеоретическая, а позже получившая расширительное значение в контексте перформативного поворота в социально-гуманитарном знании (о концепции перформативного поворота см. [2]), превращается феминистками в методологический постулат и в конечном счете применяется к самой аналитической философии. Аналитическая феминистка не просто осуществляет анализ понятий и выражений, используемых в предметной области, но осуществляет его с конкретными и явно выраженными социальными целями. Эти цели определяют, в каком аспекте она будет рассматривать анализируемые понятия и выражения и как она будет использовать результаты своего анализа. При этом сам анализ не претерпевает значительных изменений: для него все так же существенны критерии строгости, точности формулировок и тщательности в учете всех релевантных случаев. То есть анализ остается анализом не только по имени, но и по сути.

Критические теории гендера и расы

Пожалуй, наиболее ярко особенности трансформированного аналитического метода проявляются в статье Салли Хаслангер "Gender and Race: (What) Are They? (What) Do We Want Them to Be?" [5]. С самого начала статьи Хаслангер ясно декларирует свою цель относительно определения гендера и расы. Она выделяет три различных подхода к определению: подход с точки зрения концептуального анализа (отвечает на вопрос «как мы обычно говорим о гендере и расе?»), эмпирический подход (отвечает на вопрос «каковы общие признаки тех явлений в мире, которые мы обычно называем гендерными/расовыми терминами?») и подход, который она сама называет просто аналитическим, а мы для большей отчетливости будем называть прагматико-аналитическим (отвечает на вопрос «что мы хотим сделать с помощью наших понятий гендера и расы?»). Свою собственную работу Хаслангер помещает в контекст

третьего подхода, утверждая, что попытки разобраться в том, что такое гендер и раса, нужны нам в первую очередь для того, чтобы лучше понимать явления гендерного и расового угнетения, очевидным образом имеющие место в обществе, и в конечном счете бороться с этими явлениями.

В соответствии с этой целью С. Хаслангер вписывает неравное, иерархизирующее отношение общества в сами определения гендера и расы. Так, согласно ее определению S является женщиной, если и только если:

1) S регулярно и по большей части рассматривается или представляется как носитель определенных телесных свойств, которые, предположительно, свидетельствуют о женской биологической функции в процессе репродукции;

2) обладание этими свойствами маркирует S в рамках доминирующей идеологии общества, к которому принадлежит S , как персону, которая должна иметь социальное положение определенного типа, фактически являющееся подчиненным (и таким образом мотивируется и обосновывается то, что S действительно занимает такое положение);

3) тот факт, что S удовлетворяет условиям (1) и (2), играет роль в систематической субординации относительно S , т.е. в определенных отношениях социальное положение S является угнетенным и в этих самых отношениях соответствие S условиям (1) и (2) играет роль в установлении такого угнетения [5, p. 42].

Проще говоря, женщина, согласно С. Хаслангер, есть человек, который, во-первых, наделен женским телом, во-вторых, с точки зрения общества должен *как женщина* подчиняться *мужчинам*, в-третьих, хотя бы иногда действительно является подчиненным *как женщина*. Это уточнение «как женщина» очень важно: существенный признак женщины состоит в том, что она осознает в качестве причины своего угнетения именно свою гендерную принадлежность (и окружающие в целом с этим согласны).

Определение расы С. Хаслангер строит по той же схеме: она полагает, что расы, в отличие от этносов, являются способами группировки людей, в структуру которых изначально вписаны иерархические отношения между различными группами. При этом она обращает внимание на то, что гендерное и расовое угнетение не про-

является одинаково во всех сферах жизни и во всех контекстах. Например, может иметь место равенство между женщинами и мужчинами, черными¹ и белыми с точки зрения законов, но вместе с тем неравенство между ними с экономической точки зрения. Также в некоторых случаях гендерные и расовые роли могут накладываться друг на друга, образуя более мелкие структурные единицы, между которыми тоже имеют место отношения подчинения. Например, как пишет Хаслангер, в США начала 2000-х годов черные мужчины являются угнетенными именно *как черные мужчины*, а не просто *как черные* [5, p. 41].

Таким образом, С. Хаслангер привлекает внимание к перформативному аспекту гендера и расы посредством прагматико-аналитических определений, которые она дает этим феноменам. Она пишет: «Вопрос не только в том, какие слова нам следует использовать... но и в том, кем мы себя считаем и, таким образом, в некотором смысле, кем мы являемся. Термины для социальных групп могут функционировать как дескриптивные термины: они могут выступать как точный способ сказать, что некто является женщиной, когда удовлетворяет определенным условиям. Однако термины для социальных групп служат и другим риторическим целям. Обычно акт классификации кого-то как члена некоторой социальной группы предполагает множество “соответствующих” (контекстно специфических) норм и ожиданий. Он позиционирует [человека] в социальной среде и делает доступными определенные виды значений; короче говоря, он имеет предписывающую силу» [5, p. 47]. Своим прагматическим анализом понятий гендера и расы Хаслангер стремится подорвать основу таких предписаний, т.е. сделать невозможным дальнейшее использование данных понятий в их иерархизированном смысле. Она полагает, что мы должны отказаться быть гендеризованными мужчинами и женщинами, отказаться быть представителями рас. Вместо этого она предлагает развивать новые способы социального самоопределения, отражающие ту же биологическую реальность, что и понятия гендера и расы, но лишенные иерархичности и жесткой предзаданности социальных границ.

¹ В рассматриваемой статье С. Хаслангер термин «чёрные» (Black) используется для обозначения политической категории, маркером принадлежности людей к которой является определенный цвет их кожи и которая, по мысли автора, по определению занимает подчиненное положение по отношению к «белым» (White) в расовой структуре общества.

Как аналитический философ С. Хаслангер добросовестно относится к возможным контраргументам. Она вполне осознает главную слабость своей концепции, а именно то, что если определять гендер по предложенным его критериям, вполне возможно, что часть людей, обладающих соответствующими телесными свойствами, окажутся за рамками понятия «женщина» из-за того, что они не удовлетворяют условиям (2) и/или (3). Аналогичная ситуация с расами. Однако, как говорит Хаслангер, это не слишком высокая цена, если данные определения позволят нам эффективнее бороться с гендерным и расовым угнетением. В конце концов, если какие-то люди, обладая женскими телами, не являются ни в каком отношении угнетенными *как женщины*, то социальная жизнь этих людей не представляет собой приоритетного объекта интереса для феминистской философии. Как пишет Хаслангер, «важный вопрос состоит не в том, “маргинализирует” ли определенный подход некоторых индивидов, а в том, делает ли он это вопреки феминистским [и антирасистским] ценностям, которые мотивировали исследование» [5, p. 46]. Она считает, что ее собственный подход в этом смысле достаточно «чист».

Подводя итог, С. Хаслангер провозглашает необходимость принятия ответственности за то, к чему ведет использование теоретических понятий в том или ином смысле. Гендеры и расы суть способы классификации человеческих тел, и от того, как они понимаются, зависят наши законы, наши социальные институты и наша самоидентификация. Природа как таковая не дает нам «правильного» способа классифицировать тела, мы должны выбрать его сами, сообразуясь со своими целями. При этом Хаслангер утверждает, что данная точка зрения вполне совместима с идеей о том, что возможности человеческого тела не определяются полностью тем, как мы его понимаем: «Наши тела часто превосходят наши ожидания и [так же часто] разочаровывают нас, [действуя] вопреки тому значению, которое мы им придаем» [5, p. 52]. Никакой перформативный акт не делает социальную реальность в отношении гендеров и рас окончательной, раз и навсегда заданной, а значит, ее всегда можно изменить посредством нового перформативного акта на другую, лучше соответствующую нашим ценностям и целям.

В контексте исследуемой темы стоит также обратить внимание на позицию одного из наиболее значимых представителей критической теории расы – Ч. Миллса, американского философа ямайского

происхождения. Миллс, как и Хаслангер, является сторонником перформативного подхода к расе. В рамках этого направления предполагается, что раса – не биологическая характеристика, а социально сконструированная категория, используемая для угнетения и эксплуатации цветных (небелых) людей. В наиболее известной своей книге «Расовый договор» [7] Миллс обращает внимание на то, что «общественный договор», концепцию которого разрабатывали множество философов, включая Т. Гоббса, Дж. Локка и И. Канта, на самом деле регулирует отношения только между белыми людьми, т.е. является расовым договором. Его концепция «Расового Договора»², во-первых, утверждает, что такой договор существует и поддерживается действиями белых людей, и, во-вторых, выступает для него своеобразным мостом между западной политической мыслью, которая сосредоточена на исследовании справедливости и прав, и реальными проблемами афроамериканцев, коренных американцев, жителей стран третьего и четвертого мира – проблемами колониализма, расизма, рабства, культурной самобытности, национальной идентичности и множеством других. Согласно позиции Миллса, достичь желаемых политических идеалов возможно, если возможно определить и объяснить препятствия на пути к их достижению. В данном случае таким препятствием Миллс видит реальные политические проблемы, связанные с расовым «общественным договором», а также моральное и политическое сознание «белых моральных агентов» [7, р. 91]. И его теория «расового договора» направлена на то, чтобы проследить моральное сознание белых агентов и действительные политические реалии, что, согласно его позиции, может иметь нормативное значение для реформирования этих политических реалий.

Социальная критика в целом

Попытки переопределить фундаментальные термины социальной науки, которые наблюдаются у С. Хаслангер и Ч. Миллса с понятиями «гендер» и «раса», не являются уникальными. В целом,

² Когда Ч. Миллс говорит о расовой направленности общественного договора, он использует выражение «расовый договор» без кавычек (racial contract), а когда говорит о своей теории, он пишет «Расовый Договор» в кавычках и использует заглавные буквы в начале слов (“Racial Contract”).

многие исследования второй половины XX в. были направлены на критическое переосмысление, анализ и переопределение ряда общепотребимых для социальных теорий слов. К примеру, до сих пор остается актуальной попытка определения терминов «власть» и «влияние», а также попытка разделения этих терминов [10, р. 1]. Одним из основателей этого направления исследований является Д. Картрайт, предлагавший следующее соотношение указанных терминов: «Когда агент *O* совершает действие, приводящее к некоторым изменениям другого агента *P*, мы говорим, что *O* влияет на *P*. Если *O* имеет возможность влиять на *P*, мы говорим, что *O* имеет власть над *P*» [4, р. 125].

Из современных исследователей, не концентрирующихся на уже упомянутых нами проблемах гендера и расы, но пытающихся переосмыслить используемые в социальных и политических науках термины, стоит выделить также К. Аппиа [3]. Он обращает внимание на центральную роль работы в нашей жизни при ее незаметности в публикациях по этике и политической философии, сравнивая молчание о работе с молчанием о семье, которое удалось преодолеть гендерной философии. Действительно, представления о работе в рамках текущей идеологии кажутся естественными, но, как резонно замечает Аппиа, жизнь без работы зачастую стигматизируется, в то время как домашний труд или уход за детьми и немощными людьми кажется незначительным и принимается. Существует также ряд трудностей, связанных с выбором работы, преимуществом одной работы перед другой, тем временем, которое мы готовы уделять работе, и многие из этих трудностей обнаруживаются при внимательном рассмотрении как понятия работы, так и отношения общества к составным элементам феномена, обозначаемого этим понятием.

Можно сказать, что теория справедливости Дж. Ролза не является исключением в указанном ряде исследований. Действительно, Ролз пересматривает многие понятия, в первую очередь понятие справедливости, трактуя справедливость как честность, и последовательно строит на этом свою теорию. Однако, как обоснованно замечают его критики, теория Ролза, при всех своих несомненных достижениях по пересмотру терминологии, является идеологически ангажированной, как и его эпистемология в целом. При этом сам Ролз прямо не декларирует свою идеологию и, по-видимому, не осознает ее влияние на свои теоретические взгляды. Напротив, он

всячески пытается поддерживать впечатление, что его теория идеологически нейтральна. В результате даже при попытке глубокого переосмысления основных понятий Ролз не может выйти за рамки своей идеологии, осознав заключенные в ней проблемы (в частности, при обсуждении проблем расы, гендера и семьи – об этом см. [1]).

Именно на эту слабость «традиционных» аналитических построений в социальной науке указывают многие представители современной социальной критики. Однако их предложения по исправлению данной ситуации в значительной степени разнятся. К. Аппиа считает, что нам не нужна «идеальная» теория – вместо этого мы можем сравнить две неидеальные теории или два положения дел («социальный вариант А и социальный вариант В») [3, p. 12]. В качестве аргумента он приводит тот факт, что мы можем сравнивать две картины без какого бы то ни было представления об «идеальной» картине, которое просто не может существовать. Он также предлагает и другой вариант, с помощью которого мы можем развивать критику современных институтов и практик, – «эксперименты жизни», посредством которых мы обнаруживаем, что некоторые нормы или черты существующего положения дел вредят или, наоборот, помогают определенным социальным группам, подобно тому как мы обнаруживаем, как гендерные нормы инвалидизируют трансгендерных людей, из чего мы заключаем, что эти нормы нуждаются в пересмотре [Ibid.]. С. Хаслангер идет дальше: она утверждает, что нам вовсе не нужны ни идеальные, ни лучшие теории. В первую очередь, по ее мнению, критическая теория требует критической точки зрения, которая может быть достигнута повышением сознательности и развитием оппозиционного сознания. Согласно Хаслангер, нам не нужно знать, что такое справедливость как таковая, чтобы знать, что несправедливы рабство и изнасилования [6, p. 32].

На наш взгляд, утверждение, что критическая точка зрения вовсе не требует никакого теоретического базиса, все же чересчур радикально и поспешно. Действительно, в современном мире кажется очевидным, что можно знать о несправедливости рабства и без того, чтобы обосновывать эту несправедливость теоретически. Но, может быть, такое впечатление складывается потому, что в современном мире все уже привыкли жить без рабства или как минимум все знают, что такая жизнь возможна, что рабство не является необходи-

мым? Говоря здесь о необходимости, мы подразумеваем не физическую (или, точнее, биологическую) необходимость, а необходимость в социальном смысле. Очевидно, что рабство не является необходимым для поддержания человеческой жизни хотя бы потому, что сами рабы – это такие представители человеческого вида, которые живут, не имея своих рабов. Однако, как С. Хаслангер сама указывает, необходимым для существования *в рамках определенных социальных групп* могут быть и те предметы или явления, отсутствие которых не ведет к смерти, например льняные рубашки [6, р. 38]. Известно, что в истории человечества были такие общества, в которых для свободного гражданина обладание рабом или рабами было социально необходимым, и даже наиболее добродетельные и справедливые из членов такого общества не пытались критиковать сам институт рабства, но только учили о благодарном и бережном отношении к рабам. Тем не менее со временем эти общества смогли отказаться от практики рабства (самостоятельно или под воздействием внешних сил) в том числе потому, что были доступны примеры иной социальной практики, скажем примеры соседствующих сообществ, в которых рабства не было.

С другой стороны, не только наши практические действия, но и наши теоретические построения являются перформативными актами, влияющими на наше понимание справедливости и, соответственно, несправедливости. Общественная практика, с которой мы знакомы, навязывает нам определенную теорию, или, точнее, идеологию, в рамках которой возможно построение теорий, и пока мы доверяем этой идеологии, мы не можем критиковать данную практику. Однако если мы ставим идеологию под сомнение и показываем теоретически, как может быть по-другому, мы тем самым можем восполнить недостаток практических альтернатив. Поэтому можно согласиться с С. Хаслангер в том, что нам не обязательно знать, что такое справедливость, чтобы заниматься социальной критикой, но одновременно хотелось бы подчеркнуть, что иногда наши теоретические построения могут сами по себе выступать как почва для развития критического отношения к существующим нормам.

Между прочим, более ранний подход самой С. Хаслангер к определению гендера и расы [5] является в этом смысле весьма стимулирующим. Несмотря на то что в современном обществе сосуществуют самые разные способы построения межгендерных и межрасовых отношений, такой радикальный отказ от использования этих

категорий, который Хаслангер обосновывает с помощью своего подхода, до сих пор нигде массово не практикуется, и поэтому ее теория может рассматриваться как яркий пример перформативного акта, направленного на создание «идеальной» альтернативы всей существующей социальной практике. Таким образом, на примере Хаслангер мы видим, что процесс, начавшийся как переосмысление исследователем задач концептуального анализа в контексте построения социальной теории, может завершиться окончательным отказом (по крайней мере на словах) этого исследователя от какого бы то ни было теоретического подхода вообще.

На наш взгляд, не стоит заходить в трансформации аналитического метода настолько далеко, как это предлагает С. Хаслангер, и социальная теория должна сохраниться именно как теория, даже в контексте перформативного поворота.

В связи с этим важно отметить, что вообще все рассмотренные нами работы по социальной критике предполагают не только негативные заключения, но и позитивный прирост теоретического знания, в том числе построение теорий социального идеала (справедливого общества или сообщества) или альтернативных норм в отдельных сферах социальной жизни, сравнение социальных норм и практик различных сообществ, а также анализ существующих проблем. И это хорошо укладывается в ту методологическую концепцию, которую мы здесь представляем. С точки зрения перформативного подхода очевидно, что позитивная теоретическая составляющая является необходимой для всякой действительно успешной социальной критики вне зависимости от того, какую сферу жизни она затрагивает. Собственно критическое мышление, позволяющее осознать какие-то практики и нормы как несправедливые по отношению к отдельным социальным группам и влекущие за собой социальные проблемы, является базисом и «двигателем» социальной критики, однако его одного не может быть достаточно. С точки зрения перформативного подхода *главной целью социальной критики является утверждение альтернативы*. Никакой перформативный эффект от критики не возможен без сравнения двух различных практик или двух различных социальных норм (даже если одна из этих норм существует лишь как теоретическое построение), и всякое такое сравнение неизбежно должно иметь дело с терминами и концепциями, посредством которых эти практики или нормы описываются. Это значит, что требуется существование «идеальных»

или по крайней мере «лучших» теорий, в том числе теорий справедливости, гендера, расы, власти, работы и т.д.

В целом можно заключить, что и для аналитического феминизма, и для социальной критики, использующей трансформированный аналитический метод, характерны переопределение и переосмысление базовых понятий, причем как тех, которые относятся к людям (гендер и раса), так и тех, которые относятся исключительно к теориям (власть, влияние, справедливость и др.). Осознанная и отчетливо декларируемая цель такого переопределения состоит в том, чтобы создать основание для изменения социальных норм и практик в исследуемых сферах жизни. Иначе говоря, уже на этапе своего построения данные теории имеют открыто идеологический характер. Этим они существенно отличаются от «традиционных» аналитических теорий в социальной науке, в качестве примера которых мы рассмотрели теорию Дж. Ролза, поскольку в «традиционных» теориях идеология, хотя и присутствовала всегда, была неявной, а явно декларировался идеологически нейтральный подход.

Во многих из рассмотренных современных теорий все традиционные составляющие аналитического метода сохраняют свое значение. Так, аналитический феминизм с методологической точки зрения можно с полным правом причислить к аналитической философии. Однако в этих случаях трансформация также проявляется существенным образом – хотя бы в том, что анализу теперь подвергаются не только и не столько те способы, которыми рассматриваемые понятия и термины функционируют в обыденной и теоретической речи, но сами цели, руководящие исследователем и побуждающие его пересматривать эти понятия и термины. Вместе с тем имеют место и более радикальные случаи трансформации, когда исследователи, отталкиваясь первоначально от аналитического базиса, в итоге окончательно порывают с ним, разрабатывая новые методологические идеи и подходы. И хотя не все те тенденции, о которых речь шла выше, мы можем оценить как однозначно позитивные и не со всем, что говорят рассмотренные нами авторы, мы вполне готовы согласиться, сама трансформация аналитического метода в социальной философии, инспирированная перформативным поворотом, представляется нам позитивным явлением, способ-

ствующим дальнейшему развитию как аналитической философии, так и социальных наук.

Литература

2. *Моисеева А.Ю., Зайкова А.С.* Л. Витгенштейн и перформативный поворот // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57, № 3. С. 44–49.
1. *Моисеева А.Ю., Зайкова А.С.* Критика аналитического метода на примере теории справедливости Джона Ролза и результаты его трансформации в контексте перформативного поворота: часть 1 // Философия науки. 2022. № 2 (93). С. 36–51. DOI: 10.15372/PS20220203.
3. *Appiah K.A.* The philosophy of work // Oxford Studies in Political Philosophy / Ed. by D. Sobel, P. Vallentyne, S. Wall. Oxford University Press, 2021. Vol. 7. P. 1–22. DOI: 10.1093/oso/9780192897480.003.0001.
4. *Cartwright D.* Influence, leadership, control // Political Power. A Reader in Theory and Research / Ed. by R. Bell, D.V. Edwards, R.H. Wagner. N.Y.: Free Press, 1969. P. 123–165.
5. *Haslanger S.* Gender and race: (What) are they? (What) do we want them to be? // Nous. 2000. No. 34 (1). P. 31–55.
6. *Haslanger S.* Political epistemology and social critique // Oxford Studies in Political Philosophy / Ed. by D. Sobel, P. Vallentyne, S. Wall. Oxford University Press, 2021. Vol. 7. P. 23–65. DOI: 10.1093/oso/9780192897480.003.0002
7. *Mills C.W.* Black Rights/White Wrongs: The Critique of Racial Liberalism. Oxford University Press, 2017.
8. *Nussbaum M.C.* Women and Human Development: The Capabilities Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
9. *Rawls J.* A Theory of Justice. Harvard University Press, 2020.
10. *Zaaiman J.* Power and influence: assessing the conceptual relationship // KOERS – Bulletin for Christian Scholarship. 2020. No. 85 (1). P. 1–14. DOI: 10.19108/KOERS.85.1.2466.

References

1. *Moiseeva, A.Yu. & A.S. Zaykova.* (2022). Kritika analiticheskogo metoda na primere teorii spravedlivosti Dzhona Rolza i rezultaty ego transformatsii v kontekste performativnogo povorota [Criticism of the analytical method by the example of John Rawls' theory of justice and the results of its transformation in the context of the performative turn. Part 1]. Filosofiya nauki [Philosophy of Science], 2 (93), 36–51. DOI: 10.15372/PS20220203.
2. *Moiseeva, A.Yu. & A.S. Zaykova.* (2020). L. Vitgenshtein i performativnyy povорот [L. Wittgenstein and the performative turn]. Epistemologiya i filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science], Vol. 57, No. 3, 44–49.
3. *Appiah, K.A.* (2021). The philosophy of work. In: D. Sobel, P. Vallentyne & S. Wall (Eds.). Oxford Studies in Political Philosophy, Vol. 7. Oxford University Press, 1–22. DOI: 10.1093/oso/9780192897480.003.0001.

4. *Cartwright, D.* (1969). Influence, leadership, control. In: R. Bell, D.V. Edwards & R.H. Wagner (Eds.). *Political Power: A Reader in Theory and Research*. New York, Free Press, 1969, 123–165.
5. *Haslanger, S.* (2000). Gender and race: (What) are they? (What) do we want them to be? *Nous*, 34 (1), 31–55.
6. *Haslanger, S.* (2021). Political epistemology and social critique. In: D. Sobel, P. Vallentyne & S. Wall (Eds.). *Oxford Studies in Political Philosophy*, Vol. 7. Oxford University Press, 23–65. DOI: 10.1093/oso/9780192897480.003.0002.
7. *Mills, C.W.* (2017). *Black Rights/White Wrongs: The Critique of Racial Liberalism*. Oxford University Press.
8. *Nussbaum, M.C.* (2000). *Women and Human Development: The Capabilities Approach*. Cambridge, Cambridge University Press, 2000.
9. *Rawls, J.* (2020). *A Theory of Justice*. Harvard University Press.
10. *Zaaiman, J.* (2020). Power and influence: assessing the conceptual relationship. *KOERS – Bulletin for Christian Scholarship*, 85 (1), 1–14. DOI: 10.19108/KOERS.85.1.2466.

Информация об авторах

Моисеева Анна Юрьевна. Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
ajumo@yandex.ru)

Зайкова Алина Сергеевна. Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
zaykova.a.s@gmail.com)

Information about the authors

Moiseeva, Anna Yurievna. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Zaykova, Alina Sergeevna. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Дата поступления 01.06.2023